

ЦАРИЦА СИНДОВ

ЛИЛИЯ ОРЛАНД

Лилия Орланд
Царица Синдов

«Лилия Орланд»

2020

Орланд Л.

Царица Синдов / Л. Орланд — «Лилия Орланд», 2020

Она спасла раненого правителя и влюбилась в него. Он принял любовь той, кому обязан жизнью, и сделал её женой. Но настоящие ли это чувства? Что если однажды правителю придётся убить любовь, чтобы стать царём объединённых земель...

Содержание

Глава 1. Незнакомец	6
Глава 2. Ведьма	9
Глава 3. Пророчество	13
Глава 4. Ночь на берегу	16
Глава 5. Городище	21
Глава 6. Гекатей	25
Глава 7. Синдская Гавань	30
Глава 8. Тиргатао	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лилия Орланд Царица Синдов

* * *

Глава 1. Незнакомец

Степь ровной дорогой стелилась под копыта каурого жеребца. Тиргатао любила быструю скачку по высокой траве, а верный друг Гунн всегда чувствовал настроение всадницы и мчался, обгоняя ветер. Только звенели подвески на бронзовых псалиях,¹ и бились о лоснящиеся бока чересседельные сумки, в которых лежала богатая добыча.

Костяной лук Тиргатао сегодня не знал промаха, острые стрелы настигли нескольких степных зайцев и жирную дрофу. Вот обрадуется старая Псатия успеху своей воспитанницы, когда будет ощипывать птицу и готовить ужин. Совсем нелегко найти дрофу в высокой траве, хорошо скрывается она от охотников. Но у любимицы Тиргатао, рыжей гончей Арры, отличный нюх. Легко поднимает она в небо серых куропаток, выгоняет из нор сурков и сусликов. Вот и сейчас бежит Арра чуть поодаль хозяйки, вытянутая рыжая морда в крови. Тиргатао отдала собаке одного из зайцев в качестве поощрения за верную службу и удачную охоту. Отец бы назвал это баловством, но он не узнает.

Внезапно Арра остановилась и зарычала, показывая ещё невидимому врагу острые белые клыки. Тиргатао остановила жеребца и, подозревая собаку поближе, быстрым движением достала из колчана стрелу и наложила на тетиву лука. Слезать с Гунна не стала, всех сегодняшних зайцев Тиргатао подстрелила из седла.

Из густой травы впереди раздалось тихое жалобное ржание. Тиргатао была напряжена до предела и готовилась спустить тетиву в любой момент. Арра, вздыбив шерсть и пригибаясь к земле, осторожно принималась к опасности. И только Гунн ответил призывным ржанием и двинулся на зов о помощи, не дождавшись понукания всадницы.

Открывшаяся картина одновременно успокаивала и пугала. Человек был один, и похоже, что он уже отправился в небесные чертоги. А вот лошадь очень мучилась. В её крупе и боках торчало десятка два стрел с рыжими перьями пустельги, раны кровоточили и привлекали насекомых. Измученное животное пыталось согнать назойливых мух и слепней, но сил уже не хватало.

Тиргатао всматривалась в степь, пытаясь угадать засаду кочевников по колыханию травы. Но кругом было тихо. Девушка спешила и сначала подошла к раненой лошади. Опустилась на колени и погладила изящную шею, на пальцах остались следы крови. Жизненный забег этой красавицы подошёл к концу. Животное прикрыло глаза, принимая последнюю ласку.

– Потерпи, маленькая, – Тиргатао потянула кинжал из поясных ножен и прошептала на ухо лошади несколько слов, затем коснулась ладонью её глаз, носа и быстрым движением перерезала горло. Девушка гладила её, пока не затихли судороги, ласково напевая савроматскую колыбельную, под которую сама засыпала в детстве. И только убедившись, что животное отправилось в небесные чертоги, Тиргатао подошла к человеку.

На мужчине была белая эллинская туника, которая с левой стороны пропиталась кровью из глубокой рваной раны на боку. Похоже, грек сам выдернул стрелу, чем безмерно удивил Тиргатао, слышавшую об изнеженной натуре эллинов. А этот мужчина был бойцом, он храбро сражался со смертью, правда перевязать рану уже не успел. Трава вокруг была примята и блестела от крови.

Уверенная, что Арра чутко сторожит, Тиргатао осторожно присела на корточки, стараясь не испачкаться в крови, и склонилась к незнакомцу. Она прислушивалась к дыханию грека, чтобы убедиться, что он покинул мир живых. Его русые волосы, подстриженные на эллинский манер, сейчас слиплись от крови, черты лица заострились, под глазами залегли глубокие тени.

¹ Псалии – часть древнего уздечного набора, представляют собой пару вертикальных стержней, прикреплявшихся перпендикулярно к концам удила для закрепления их во рту верхового коня.

Девушка положила ладонь на грудь мужчины и услышала слабые удары сердца. Она прижала руку сильнее, чтобы убедиться, что это ей не почудилось. И вдруг грек схватил её запястье и сильно сжал, прохрипев на меотском наречии:

– Помоги мне.

Тиргатао так резко отпрянула от незнакомца, что поскользнулась и упала, выпачкавшись в его крови. Он ещё жив! Это открытие сбило её с толку. Конечно, Тиргатао видела раненых. И даже умирающих. Но одно дело наблюдать за умелыми действиями племенных лекарей. И совсем другое – оказаться наедине с умирающим человеком посреди степи.

Савроматы, к племени которых принадлежала Тиргатао, не враждовали с эллинами. С детства Тиргатао привыкла к караванам греческих купцов, которые часто проезжали через меотское Городище. До сих пор бережно хранила она купленную матерью деревянную шка-тулку, украшенную бронзовыми фигурками животных и витыми столбиками, а в ней – свои самые дорогие сокровища.

Этот мужчина не враг. Будь он кочевником, Тиргатао точно знала бы, как поступить. А с этим греком ей нужно самой принимать решение и нести ответственность за свой выбор. Оказать ли ему последнюю милость или бороться за его жизнь?

Несмотря на то, что Тиргатао окунулась в своё восемнадцатое лето и была одной из лучших охотниц Городища, убивать людей ей ещё не приходилось. Савроматы, возглавляемые её отцом, стали самым большим и сильным меотским племенем. Выбрав оседлый образ жизни, построив Городище и городки, племя занялось земледелием и торговлей. Дружина вождя охраняла границы племенных земель, отражая всё более редкие набеги кочевников. Савроматы стали мирным народом. Сытая жизнь лишила необходимости бороться за существование, а вместе с тем грабить и убивать себе подобных.

Можно было бы оставить его здесь и отправиться в Городище за помощью. Тиргатао посмотрела вверх, в пронзительно голубом небе кружили чёрные точки стервятников. Вряд ли эллин дожждётся её возвращения. Значит, придётся забрать его с собой.

Тиргатао опустила на колени перед незнакомцем, штаны были измазаны в крови, можно уже не бояться за их сохранность. Она легонько ударила мужчину по щеке:

– Эй, очнись.

Его голова мотнулась, но глаза по-прежнему оставались закрытыми. Тиргатао ударила сильнее, он только застонал.

– Гунн, иди сюда.

Жеребец, мирно жевавший травку, тут же подбежал к хозяйке, лишь недовольно всхрапывая, когда копыта касались маслянистых пятен. Тиргатао достала из сумки кожаную флягу и, набрав в рот воды, прыснула незнакомцу в лицо. Он недовольно застонал и открыл глаза.

– Смотри на меня и слушай, что я говорю, – Тиргатао удерживала подбородок мужчины, не позволяя ему отвести взгляд. – Я помогу тебе, но ты должен найти в себе силы, чтобы забраться на коня. Если понял меня, кивни. Если не хочешь жить, просто закрой глаза, и я помогу тебе уйти в небесные чертоги, как помогла твоей лошади.

Грек слишком долго обдумывал слова меотянки. Его зелёные с золотистыми крапинками глаза вглядывались в её карие. Тиргатао боялась, что он не справится, и ей придётся перерезать ему горло или оставить стервятникам. Наконец он медленно наклонил голову.

– Попей, – она поднесла флягу к его губам и начала тонкой струйкой лить ему в рот воду. Он морщился, но глотал. Когда убрала флягу, раненый прошептал:

– Ещё.

– Пока хватит.

Тиргатао достала из сумки половину ковриги хлеба, завернутую в выбеленную холстину. Порвав ткань на полосы, она перевязала незнакомца, из раны которого всё ещё сочилась кровь.

Закончив с перевязкой, девушка подозвала Арру. Она присела перед собакой на корточки и, пристально глядя ей в глаза, сказала:

– Встань рядом с Гунном и не двигайся. Если грек упадёт, второй попытки может и не быть.

Арра помахала хвостом и, расставив лапы для устойчивости, замерла возле Гунна. Если бы эллин не находился между жизнью и смертью, Тиргатао не осмелилась показать своё умение разговаривать с животными. Кормилица Псатия вместе со своим молоком заложила в неё страх перед людьми, которые боятся того, чего не понимают, и убивают тех, кого боятся. Вряд ли грек сейчас в состоянии понять, что она не просто разговаривала со своей собакой.

Тиргатао подошла к мужчине, наблюдавшему за ней из-под полуприкрытых век.

– Ты готов? – он слабо кивнул. – Тогда давай подниматься.

Встать на ноги ему удалось не сразу, только с третьей попытки. Стоя, незнакомец оказался крупным и намного выше Тиргатао. Он покачивался, опираясь на неё почти всем своим немалым весом. Поднимая его, девушка вспотела, но не осмелилась дать себе и раненому передышку, опасаясь, что, если они упадут, подняться снова уже не смогут.

Маленькими шагами они продвигались к животным, замершим на границе окровавленной травы. Ближе подзывать Гунна Тиргатао не решилась, уж очень напряжённо он всхрапывал от запаха человеческой крови.

Пройдя шесть коротких и в то же время таких долгих шагов до жеребца, Тиргатао с раненым сделали передышку, опираясь о лошадиный круп. Гунн тревожно переступил с ноги на ногу.

– Гунн, не двигайся! – приказала девушка, и конь замер.

Незнакомец тяжело дышал, его лоб покрывала испарина. Сделали ещё два шага до Арры, замершей под боком жеребца.

– Ты готов? – спросила Тиргатао, и мужчина кивнул, хотя было видно, что даже это движение далось ему тяжело.

Грек перенёс вес тела на левую ногу, левой рукой он опирался на бок Гунна. А Тиргатао подняла его правую ногу и поставила её на спину неподвижной Арры.

– Теперь я поддерживаю тебя сзади, а ты отталкиваешься от собаки и грудью ложишься на коня. Собери все свои силы и отдай этому движению, на вторую попытку никого из нас не хватит. Ты понял меня, эллин?

– Я синд, – прохрипел мужчина и, подобравшись, взметнулся вверх. Тиргатао покачнулась от резкого движения. Взвизгнула от неожиданной боли Арра. Незнакомец лежал на животе поперек седла и снова был без сознания.

Глава 2. Ведьма

Тиргатао не решилась забраться на Гунна, которому и так приходилось осторожничать при каждом шаге, чтобы лежавший кулем мужчина не сполз на землю. Девушка подхватила седельную сумку незнакомца и аккуратно пристроила на спине недовольно косившего глазом коня.

Солнце уже поднялось высоко и начало припекать. Жаркий сухой ветер трепал волосы и колот щёки. Бросив взгляд на так и не пришедшего в себя эллина, Тиргатао заметила, что светлая ткань повязки побурела.

С такой скоростью им не попасть в Городище до заката, а ночёвки в степи раненый точно не переживёт. Значит, придётся свернуть к реке. Антикитес² протекает совсем рядом, а на берегу наверняка будет какое-нибудь поселение, где дочери савроматского вождя окажут помощь. Главное, сразу обещать большое вознаграждение.

Она знала, что отец не поскупится.

К Антикитесу вышли уже за полдень. Вода в кожаной фляге давно закончилась. Арра, высунув язык, трусила впереди. Гунн тяжело ступал и только устало прикрывал глаза от назойливых насекомых, боясь даже мотнуть головой, чтобы не стряхнуть мужчину.

Который, кстати, не подавал никаких признаков жизни.

Сопревшая Тиргатао, передвигавшая натёртые ноги исключительно на одном упрямстве, проклинала незнакомца и своё глупое желание спасти его, а более всего кожаные штаны и рубаху, задубевшие от пота и не дававшие телу дышать.

С какой тоской вспоминала она сейчас вышитые льняные и невесомые шёлковые платья, сложенные в сундук не менее упрямой Псатией, уверенной, что рано или поздно её любимица повзрослеет и возьмётся за ум.

При воспоминании о кормилице и доме у девушки защипало в глазах, и она усилием воли отогнала непрощенные мысли и чувства. Ведь негоже воину плакать как какой-то сопливой девчонке.

Тиргатао, несмотря на то, что была женщиной в невестинной поре, заслужила называться воином, и не только делами – ловкостью, меткостью, охотничьей удачей, но и происхождением.

С младенчества Псатия баюкала девочку рассказами о смелости и удали её красавицы-матери, которая происходила из воинственного племени амазонок. Прекрасная Алата могла без узды и седла скакать на лошади и, держась лишь босыми ногами за бока, попасть стрелой из костяного лука в глаз сокола, высматривающего в степи добычу.

Когда на пятом лете Тиргатао, забралась на стреноженного жеребца, мирно пасшегося у ограды Городища, рассказы о смелости воительниц-амазонок прекратились. Но было уже поздно, зёрна упали в плодородную почву и проросли. Ни одно соревнование юных меотов, приходящих в пору расцвета, не обходилось без Тиргатао. И если поначалу её промахи и нелепые падения встречали дружным и обидным смехом, то сейчас ровесники провожали хмурыми взглядами и её лёгкую фигурку, грациозно держащуюся в седле, и полные дичи сумки.

Не слушала Тиргатао советов мудрой Псатии, грозившей вечным девичеством. Сердце её не знало любовного жара и тревог. Беспечальная скакала она по степи на верном Гунне или лежала в высокой траве, прижавшись к тёплому боку Арры и любясь яркими звёздами.

Гунн всхрапнул, почуяв воду. Тиргатао очнулась от раздумий и подняла глаза. Впереди блестела широкая лента реки.

² Антикитес – так в древности называлась река Кубань.

Животные даже и не подумали убыстрить шаг, хотя возбуждение, вызванное близостью воды, отчётливо сквозило в каждом движении, выдавалось расширенными ноздрями при каждом вздохе.

Сложнее всего дался спуск к воде по достаточно крутому берегу. Тиргатао приходилось постоянно поддерживать мужчину, так и норовившего сползти вниз по конскому боку. Наконец цель была достигнута. Тиргатао пристроила незнакомца под ветвистой ивой и вместе с животными спустилась к воде. Арра резвилась на мелководе. Рассёдланный Гунн жадно пил, стоя по грудь в воде.

– Гунн, хватит! – приказала Тиргатао, жеребец послушно поднял голову и направился к берегу.

Девушка сняла одежду и с удовольствием несколько раз окунулась в прохладную воду. Не спеша одеваться, она набрала полную флягу, с удовольствием напилась и влила несколько глотков в рот эллина.

Затем подозвала мокрую, довольную Арру, присела перед ней и, удерживая рукой за подбородок, чтобы смотреть прямо в глаза, сказала:

– Ты должна привести того, кто поможет этому человеку.

Арра моргнула, недовольная необходимостью оставить хозяйку, но умчалась выполнять приказ. А Тиргатао растянулась на траве подле незнакомца и уснула, слушая его слабое дыхание.

Меотиянка незаметно для самой себя отправилась в мир снов и уже не видела, как пробежала рядом изумрудно-зелёная ящерка, выискивая нагретый солнцем камень, как пели в высокой траве цикады, как верный Гунн мягкими губами срывал тонкие стебельки цветов, в то же время чутко замечая все, что происходит вокруг. Вот конь заметил приближение чужака и уже вскинул голову, собираясь ржанием предупредить хозяйку об опасности, но, почувствовав в своей голове ласковые, успокаивающие слова, расслабился и вернулся к своему занятию.

Тира сквозь сон ощутила нежное поглаживание чьих-то пальцев по своей щеке. Так гладила мама, всплыло откуда-то из глубин детское воспоминание. Девушка беспокойно зашевелилась.

– Спи, спи, милая, – раздался ласковый голос, не позволивший открыть глаза.

Охотница сквозь сон почуяла чужое присутствие, но проснуться как ни странно не смогла. Дёрнувшись, Тиргатао провалилась в кошмар. Снова она оказалась в маленьком селеении, в котором жила много лет назад вместе со своими родителями.

Вокруг было темно.

Потому что была ночь.

Та самая ночь, которая изменила всё и для Тиргатао, и для её отца. Та самая ночь, которую она никогда не забудет.

Ещё не раздалась на улице крики раненых и умирающих, не было ещё испуганного ржания стреноженных лошадей и отчаянного лая собак, не вспыхнули ещё крытые камышовой соломой крыши домов, озарив ночь ярким светом. Только мать, босая и с распущенными чёрными волосами, зашекотавшими девочке лицо, прошептала: «Проснись, Тиргатао».

И она проснулась.

По её щеке мягким листком водила колыхаемая лёгким ветром травинка. Лишь малой толики мгновения хватило меотиянке, чтобы заметить и оценить опасность. В следующий миг в дело вступили уже тренированные мышцы охотницы. Отпрыгнув назад, перекатилась к брошенной под ивой одежде и седельным сумкам, чтобы в следующее мгновение вскочить, уже держа в руке острый акинак³.

³ Акинак – короткий меч.

– Постыдилась бы голой перед бабушкой скакать-то, – раздался ехидный старушечий голос. – Чай, уже не дитё малое.

Его обладательница, опираясь о сучкастую клюку, стояла у распростёртого на земле тела эллина. Она была одета в некрашеное холщовое платье и длинную накидку с капюшоном, который почти полностью скрывал её лицо.

У её ног, с правой стороны, удобно устроилась Арра. А в левую руку доверчиво тыкался носом Гунн в надежде на угощение.

«Вот предатели», – подумала Тиргатао. – «Но как ей это удалось?».

«Думаешь, только ты одна умеешь разговаривать с животными?» – прошелестел прямо в голове тот же противный голос.

От удивления у меотиянки приоткрылся рот, но она даже не заметила этого. Вряд ли бы Тира обрадовалась, если б увидела сейчас своё отражение: обнажённая, со спутанными после купания в реке волосами, с испачканными зелёной травой локтями и коленями, коротким мечом в правой руке и приоткрытым от удивления ртом.

– Закрой рот, а то муха залетит, – уже человеческим голосом сказала старуха и гаденько захихикала.

– Ведьма! – ахнула озарённая догадкой девушка и приняла боевую стойку.

– Сама ведьма, – обиделась старуха. – Ты ведь тоже понимаешь слова-мысли, а я тебя не обзываю. Во мне нет зла. Вон можешь спросить у своих животных, иначе они ко мне бы не подошли.

Будто в подтверждение её слов собака, не двигаясь с места, мелко завиляла хвостом.

– Как ты заставила их предать меня? – голос у Тиргатао дрожал от обиды.

Ведь Гунна она взяла из племенного стада ещё жеребёнком. А Арру, от которой отказалась мать, вообще выкармливала парным молоком, для чего почти месяц вставала до рассвета и шла со старшими женщинами в поле, чтобы подоить коров.

И вот теперь, после всего, что было, предательство?

– Они верны тебе, просто я сильнее. Я велела не будить тебя, и твой конь, не почуяв во мне зла, послушался. Если бы у меня были дурные намерения, он, скорее всего, стал сопротивляться моему воздействию. А твоя сука позвала меня сюда, чтобы помочь раненому человеку.

– Хорошо, – Тиргатао не до конца успокоилась, но ей очень хотелось верить этой странной незнакомке, которая тоже понимала животных и разговаривала с ней при помощи слов-мыслей.

– Теперь ты оденешься? – в голос женщины вернулась насмешка.

А Тиргатао теперь, когда схлынуло возбуждение, навеянное опасностью, заметила, что она и правда обнажена. Тут же пришло смущение, а вслед за ним воспоминание о заветах Псатии, что негоже дочери вождя в недостойном виде на люди показываться. Стараясь всё же не терять достоинство, и держа незнакомку на виду, меотиянка прошла к своим вещам и брезгливо скривилась. Но деваться было некуда, сменной одежды девушка, которая уже давно должна была вернуться домой, не взяла.

Пропитанные потом кожаные штаны и рубаха, высохнув на солнце, задубели и тут же начали натирать во всех возможных местах, едва Тиргатао натянула их на себя. «Настоящие воины не жалуются», – напомнила себе меотиянка, стиснув зубы.

Расстроившись из-за одежды, девушка не заметила внимательного взгляда серых глаз незнакомки, блеснувших из-под капюшона, перед тем, как она склонилась над раненым.

Завязав пояс и прикрепив к нему ножны, Тиргатао почувствовала себя гораздо увереннее.

– Иди сюда, – раздался старушечий голос, – помоги мне.

Тиргатао на несколько мгновений замерла с акинаком в руке, не в силах принять какое-либо решение. Меч придавал руке вес, а без оружия меотиянка чувствовала себя беззащитной.

Но, глядя на своих верных друзей, расслабленно нежащихся в тени раскидистой ивы, Тиргатао всё же вложила акинак в ножны. Чутью Гунна и Арры она привыкла доверять даже больше, чем своему. И если животные не видят в старухе зла, значит, его там нет.

Даже если у этой ведьмы, а про себя девушка звала её именно так, склочный характер.

– Вот, держи здесь, – незнакомка сразу же взяла её в оборот, едва Тиргатао присела по другую сторону от раненого. Старуха взяла руку девушки и, вложив в неё чистую тряпицу, сильно прижала к некрасивой рваной ране на боку эллина. – Прижми крепко, но нежно.

Она снова захихикала, заметив, как щёки меотиянки от смущения покрылись румянцем. Она и раньше помогала лекарям в Городище, но никто и никогда не осмеливался обращаться с ней так неуважительно, равно как и отпускать грубые шутки в её адрес.

Тиргатао наблюдала, как ведьма рвёт на мелкие кусочки пучок какой-то травы и бросает в глиняный горшок, выуженный из недр большой холщовой сумки. Затем к траве она насыпала порошков из разных мешочков, понюхала и, оставшись довольна, велела Арре принести воды из реки.

Тиргатао, никогда раньше не дававшая собаке подобных команд, с интересом следила, как та решит непростую задачу. Арра порадовала хозяйку своей находчивостью, уже через несколько мгновений примчалась назад и выплюнула воду из пасти прямо в подставленный ведьмой горшок. Замешав целебное зелье, старуха щедро намазала его на новую тряпицу и, быстрым движением приподняв ладонь девушки, наложила лекарство на рану.

– Теперь держи, пока я наложу повязку.

Хоть старуха и была противной, но действовала она умело. Арра не ошиблась и привела настоящую лекарку. Быстро перевязав грека, ведьма скомандовала собаке сторожить, а Тиргатао и Гунну следовать за ней. Девушка чувствовала, как закипает в ней гнев от неуважительного отношения, и не раз уже готовились бранные слова слететь с её губ, но что-то неуловимое останавливало их, не давая сорваться. Бросив последний взгляд на мужчину, из-за которого она попала в такое положение, Тиргатао поторопилась догнать старуху, бодро шагавшую по берегу реки.

Глава 3. Пророчество

Старуха оказалась настоящей выдумщицей и мастерицей.

Нарезав длинных дубовых и тополиных ветвей, женщины связали их ивовыми прутьями и соорудили волокушу. Подстелив под раненого свой плащ и на нём с помощью Тиргатао и Арры затащив мужчину на передвижное ложе, ведьма прикрепила ветки к седлу Гунна и в своей обычной манере командовала следовать за ней. Сама же споро потопала по берегу, почти не опираясь на клюку.

Меотиянка даже опешила от такой наглости. С языка готовились сорваться бранные слова, а рука сжималась на рукояти акинака. Но почему-то Тиргатао снова подавила свой гнев и последовала за странной компанией, оставлявшей в густой траве длинную проплешину.

Шли они недолго, солнце ещё совсем не успело сдвинуться на небосклоне.

Избушка пряталась в камышах.

С одной стороны её скрывал от посторонних глаз высокий обрывистый берег, а с другой – широкая гладь Антикитеса. Чтобы во время весенних паводков и осенних дождей избушку не затапливало, она была расположена на высоких деревянных сваях, напоминающих куриные ноги.

«Вот уж страшилище», – хмыкнула про себя девушка.

Тиргатао никогда бы не призналась, но в присутствии старухи она начинала робеть. Уже не чувствовала себя дочерью всемогущего вождя и даже животным своим лишней раз стеснялась что-то велеть, не дождавшись приказа ведьмы, чем та бессовестно пользовалась, командуя всеми тремя. Впрочем, меотиянка никогда бы в этой слабости не созналась, даже самой себе. Тиргатао расседлала Гунна и отправила его отдохнуть и попасться, решив напоить позже, перед уходом.

– Ночевать будете снаружи, – сообщила старуха, поднимаясь по сколоченной из кривых сучков лестнице.

Что?

А с чего она вообще решила, что они останутся здесь ночевать? Нашли для эллина добрые руки, теперь можно и домой вернуться.

Мысли Тиргатао прервал сам предмет её раздумий. Мужчина застонал и открыл глаза.

Старуха мгновенно оказалась рядом с ним, трогая лоб, оттягивая веки и проверяя дёсны.

– Принеси воды, – кивнула она на керамический горшок со сколотым краем.

Девушка молча пошла к реке. В поисках удобного подхода к воде она немного прошлась по берегу. Арра радостно скакала рядом, не ведая о тяжёлых мыслях хозяйки.

Тиргатао почему-то казалось, что так просто старуха её не отпустит.

А если она, и правда, ведьма? Что она сделает? Превратит девушку в лягушку? Чтобы квакала она в ожидании сильного, храброго и прекрасного ликом вождя одного из меотских племён, который спасёт горемычную из клюва большой белой цапли, поцелует в алые губы, вернёт красавице прежний облик и сделает своей женой?

Так это же сказки.

Ей Псатия в детстве столько их порассказала, чтобы припугнуть слишком уверенное в своих силах дитя. В степных речках и озерах живут водные духи, они хватают за ноги детей и тянут их на дно. В высокой траве живут духи трав, они путают, заставляя сбиться с пути и блуждать до смерти в поисках дома. И прочие глупости, верить которым Тиргатао перестала много вёсен назад. Поэтому сейчас не могла объяснить свой, не то что бы страх, скорее, опасение перед старухой.

Девушка набрала полный горшок и плеснула в лицо водой. Вот ещё! Она здесь по своей воле и уйдёт, когда захочет. Подбодрив себя такими мыслями, она отправилась в обратный путь.

Тихая поступь охотницы позволила подойти к избушке незамеченной, даже сухой камыш не трещал под ногами. Арру важные собачьи дела задержали на берегу, и Тиргатао была одна. Услышав монотонное бормотание, она осторожно выглянула из-за кустов.

Все волоски на коже девушки встали дыбом.

Старуха, скрестив ноги, сидела подле обнажённого по пояс эллина. Прикрыв глаза, она держала руку на освобождённой от повязки ране, раскачивалась и напевала что-то то замедляющимся, то убыстряющимся речитативом.

– Ну что смотришь? Неси воду! – она, не открывая глаз, прервала песнь лишь на мгновение и снова вернулась к своему ведовству.

Тиргатао на мягких, подкашивающихся ногах подошла ближе и поставила котелок рядом с ведьмой. Та, по-прежнему не открывая глаз, обмакнула пальцы свободной руки в воду и начала рисовать какие-то символы на груди и животе мужчины.

Меотиянка замерла, будто что-то неведомое и невидимое стреножило её, не давая уйти, хотя от ужаса замирало дыхание. Она, и правда, ведьма и прямо на глазах Тиргатао сейчас творит свою тёмную волшбу.

А может, не такую уж и тёмную.

Вон незнакомец и задышал ровнее, и нездоровая бледность сменилась лёгким загаром. Рана на боку медленно затягивалась, пока не исчезла вовсе, остался лишь некрасивый шрам, которому, казалось, уже не менее года.

Старуха после волшбы выглядела намного хуже раненого, будто приняла на себя его мучения. Она была бледна и часто дышала.

– Воды дай, – прохрипела тихо.

Тиргатао подняла перевёрнутый горшок и помчалась назад к реке. Когда она вернулась, ведьма выглядела уже лучше, по крайней мере, сумела отдышаться и глаза снова сверкали. Она сидела на ступеньке сучковатой лестницы и хмуро смотрела на девушку. Протянутую воду взяла и пила долго, пока не осушила горшок почти полностью.

Затем подняла недобрый взгляд на меотиянку:

– Мы с тобой сделали свой выбор. Вернее, у меня его не было, я должна помогать всем, кто нуждается в помощи. А вот ты... Ты идёшь навстречу своей судьбе. Хочешь узнать, какой она будет?

– Нет, – Тиргатао покачала головой.

– А я всё же тебе расскажу. Дорога твоя будет прямой, и никуда теперь с неё не свернуть, даже не пытайся, – она засмеялась хриплым каркающим смехом.

Тиргатао медленно отступала назад, пока не уперлась в ствол ивы. Она стояла, окружённая этим смехом и словами:

– И будет кровь, и будет смерть, много смертей, и всё зло учинишь ты!

Внезапно ведьма замолчала и сникла. Сейчас она выглядела такой измученной и несчастной, что Тиргатао стало её даже немного жаль. Когда пришла жалость, исчез страх. Она нашла в траве клюку и подала старухе. Та удивлённо взглянула на девушку.

– Я не верю в твои предсказания, ведьма, человек сам вершит свою судьбу.

– Как зовут тебя, наивное дитя?

– Тиргатао.

– Ты будешь царицей, Тиргатао, ты убьёшь многих людей, и ты уже не сможешь уйти от своей судьбы.

Тяжело опираясь на клюку, старуха поднялась по ступенькам и скрылась в избушке на курьих ножках.

Ну будет и будет, а не будет, значит, не будет. Меотиянка пожала плечами, к пророчеству она отнеслась весьма спокойно, как и к самой ведьме, которая теперь не вызывала у неё страха. Она стянула с ветки дерева сушившееся одеяло и накрыла им эллина, спящего крепким здоровым сном.

– Гунн, как насчёт искупаться? – весело позвала она.

Настроение поднималось наперекор пророчеству, которое Тиргатао постановила себе забыть как можно скорее. Жеребец показался из-за высокой травы, на ходу дожёвывая сочный пучок шалфея. Предложение пришлось по нраву обоим друзьям девушки, и они вдосталь накупались в прохладных и чистых водах Антикитеса. Заодно Тиргатао насобирала для костра сухого плавника, выброшенного течением на берег.

Девушка уже решила, что останется здесь, пока раненый не сможет продолжать путь. И это было её, Тиргатао, собственное решение, слова ведьмы тут не имели никакого значения. Меотиянку старуха больше не страшила, её захватило желание спасти раненого эллина и вернуть его домой. Когда-то в далёком детстве Тиргатао нашла в траве оленёнка, потерявшегося в высокой траве.

Сейчас ею двигали почти те же побуждения.

Отец и Псатия, она была уверена, не будут волноваться о её судьбе, зная, что она осторожна в пути и всегда возвращается домой, а если не сможет, то пришлёт кого-то из друзей. Таков был уговор с отцом, когда он, наконец-то признав её совершеннолетней, стал отпускать на охоту в степь.

К тому же, когда Багос узнает важную причину, которая задержала его дочь, то наверняка позволит купить знаменитый критский лук из рогов горного козла – её давнюю мечту. Для Тиргатао спасение человека из дружественного меотам народа эллинов виделось именно такой причиной. И она уже представляла, как возьмёт в руки тяжёлый лук, натянет тетиву из сухожилий молодого бычка.

Хорошо бы купеческий караван успел приехать до праздника Середины лета, чтобы она могла утереть носы всем охотникам Городища.

Исполненная предвкушения и надежд о почти сбывшихся мечтах Тиргатао возвращалась к избушке на курьих ножках.

И как можно жить в таком страшилище?

Проверив спящего мужчину и напоив его свежей водой, Тиргатао принялась за обустройство временного лагеря. Чуть поодаль она определила место для будущего костра, свалив туда сухие ветки. Достав из схрона, сооружённого в тени раскидистой ивы, седельные сумки, отнесла к реке добытые утром тушки и принялась за разделку дичи, а то ещё, не приведи Охотница, сопреет под таким солнцем.

Гунн вернулся к созерцанию зелёных зарослей, а вот Арра стремилась всячески помогать юной хозяйке: то отряхнётся поблизости, забрызгав водой и добытчицу, и добычу, то кусок зайца попытается ухватить из-под руки.

Тиргатао терпеливо относилась к её баловству, это ведь собака, она как дитё неразумное, у неё только игры на уме. Выделив любимице её долю добычи, Тиргатао достала мешочек с солью, смешанной с сухими ароматными травами, которые впрок заготавливала Псатия. Тщательно натёрла солью зайцев и дрофу, облепила тушки глиной, которой на берегу было вдосталь, и оставила подсыхать в тени. А сама наконец занялась костром.

Глава 4. Ночь на берегу

Когда старуха спустилась по шаткой лестнице, Тиргатао спала в тени. К её боку прижималась Арра, а Гунн дремал поблизости.

Старая Ганира смотрела на девочку, и в душе пророчицы снова шевельнулось тёмным клоком тумана недоброе предчувствие. Но изменить чужую судьбу было не в её силах, как, впрочем, и свою.

Она проверила раненого, после волшбы он шёл на поправку. Ему теперь поспать вдовсталь, да отлежаться денёк-другой и будет лучше прежнего.

Как эллин был связан с меотиянкой, для Ганиры оставалось непонятным. Может, муж, хотя девочка держалась от него на некотором расстоянии, скорее, жених. Не привыкла ещё ощущать его рядом с собой.

Мысль о том, что Тиргатао потратила столько усилий ради спасения незнакомого человека, даже не пришла ей в голову.

Ганира подошла к девочке и несколько мгновений стояла рядом с нею. Арра, приоткрыв один глаз и узнав пророчицу, несколько раз стукнула хвостом по траве и снова погрузилась в дремотное состояние. А Тиргатао слишком намучалась, перевозя раненого, и даже обострённое чутьё охотницы крепко спало и не спешило сообщать девушке о близости постороннего.

– Тиргатао, – позвала Ганира и усмехнулась, когда девочка вскинулась со своего травяного ложа, осоловело зыря глазами. – Успокойся, это всего лишь я, старая провидица Ганира.

– Что тебе нужно? – девушка устало опустила обратно на траву. Недолгий сон принёс больше усталости намученному телу, чем ожидаемого отдыха.

– Надень, – женщина протянула ей тряпичный свёрток, который до этого держала в руках.

– Что это? – Тиргатао развернула свёрток. Это оказалось некрашеное льняное платье. – Зачем?

– Он скоро проснётся, – Ганира кивнула головой на мужчину, – тебе буде легче ухаживать за ним.

Как старуха узнала, что Тиргатао была на грани того, чтобы сбросить ненавистные кожаные одежды и остаться голышом, для девушки осталось загадкой. Но неожиданную помощь она приняла.

Хоть и не смогли застывшие, будто камень, губы вымолвить слова благодарности.

Уже в который раз за этот долгий день Тиргатао в сопровождении верной Арры отправилась купаться. Она натёрла илом штаны и рубашку, тщательно прополоскала и аккуратно развесила на прибрежных кустах. А сама легла на мелководье, блаженно позволив течению омывать её тело.

Отец рассказывал, как в стародавние времена, когда савроматы ещё кочевали в степи, иногда по многу дней не встречали они большой воды. Драгоценной влаги хватало лишь на то, чтобы напоить лошадей и скот, и приготовить пищу людям. Мыть тело водой считалось большой глупостью. Пот счищали с себя травой, которая является настоящим степным морем. А сильный запах позволяет узнать крадущегося в ночи врага.

Тиргатао смеялась, когда Багос рассказывал такие глупые сказки, и кричала: «Фу-у!». Ну как можно человеку не мыться? Сейчас почти в каждом дворе Городища была своя мыльня, и даже умерших обмывали водой, прежде чем предать земле.

Тиргатао с сожалением вышла на берег, потянулась, чтобы размять затёкшие мышцы, отжала свои красивые длинные волосы, которые были тёмными и слегка вились, как и у её матери.

Одежда была ещё мокрой, поэтому чуть посомневавшись, скептически оглядев платье и не найдя в нём какого-либо подвоха, девушка натянула подарок на себя. Натёршие ноги сапожки она тоже не стала надевать и пошла к лагерю босиком.

Раненый наконец проснулся и хриплым голосом попросил воды. Ганира принесла ему настоя трав и помогла приподняться. Пока он жадно пил, женщина пристально разглядывала гривну⁴ на его шее.

Обруч был массивным, его концы спереди венчались змеиными головами, которые держали подвеску в виде головы быка. При взгляде на это украшение в памяти шевелились смутные воспоминания, отказывавшиеся всплывать на поверхность.

Мужчина всё ещё был слаб, но на щеки возвращался румянец, а взгляд был осмысленным.

– Где девушка? – был первый его вопрос.

– Скоро придёт. Лежи пока.

Ганира помогла ему принять полусидячее положение, прислонив спиной к дереву. Когда женщина уже собралась подняться и отойти, из зарослей вышла Тиргатао.

Ганира глядела на неё одобрительно, платье подчеркнуло изгибы девичьей фигуры, а распущенные мокрые волосы придавали образу хрупкости. Эллин же смотрел на неё во все глаза, даже слегка приоткрыв рот, будто узрел мимолётное видение, что является во снах и грёзах. По тому, как он смотрел на девушку, Ганира засомневалась, что он является ей хотя бы женихом. Слишком неподдельным было его удивление, слишком явным восхищение её красотой, которое неизменно должно было потускнеть с течением времени. Он не знаком с девчонкой, сделала вывод мудрая женщина.

Так зачем же она спасала этого мужчину?

И кто он, носящий гривну правителя эллинской колонии?

Тиргатао, заметив пристальное внимание незнакомца, смутилась. Она, конечно, привыкла к одобрительным мужским взглядам, провожавшим её на улицах Городища или на охоте. Но ни один из меотских воинов не заставлял её сердце забиться чаще, а щеки покрыться румянцем. Девушка волновалась и не могла понять почему.

– Здравствуй, эллин, – сказала она, приблизившись.

– Я не эллин, я синд, – ответил он, не отрывая от неё взгляда.

– Если ты из меотского племени, то почему носишь греческую одежду и стрижёшь волосы?

– Это долгая история...

– Что ж, я очень люблю послушать долгие истории после ужина.

Ганира молча смотрела на них и думала, что вот оно, то самое начало пути, ступив на который уже невозможно свернуть. Сейчас и здесь зарождается чувство, в силах которого либо соединить мужчину и женщину, либо разбить им сердца.

– Может быть, вы всё-таки покормите меня, я голоден как шакал, – синд первым нарушил установившуюся тишину.

– Да, конечно, – засуетилась Тиргатао, смутившись ещё больше, ведь она даже не подумала, что вместе с кровью он потерял много сил, и теперь их нужно восстановить сытной пищей.

Ганира что-то пробурчала про посуду и отправилась в свою избушку.

Тиргатао же, чувствуя спиной пристальный, изучающий взгляд незнакомца, и боясь повернуться, чтобы проверить это волнующее ощущение, ворошила остывающие угли костра, покрытые серым налётом пепла. Девушка решила сразу запечь всю свою утреннюю добычу, потому что уже не рассчитывала сегодня вернуться в Городище.

⁴ Шейная гривна – обруч, цепь или ожерелье, носимые на шее или на груди как украшение или как знак отличия.

Одного кролика получила Арра и тут же прикопала в надёжном месте. Собачий желудок ещё был полон, но ближе к вечеру можно будет выкопать спасённую от насекомых тушку и полакомиться властью молодым зайчишкой.

Пока Тиргатао при помощи двух сучковатых веточек сражалась с закопчёнными глиняными комами, не желающими выкатываться из глубоко выкопанной костровой ямы, Ганира принесла три деревянные широкие тарелки с низкими бортиками, три глиняных миски, большой пучок зелени, три ломтя пшеничного хлеба и один нож. На иронично приподнятую бровь синда с раздражением пояснила:

– У меня больше нет.

– У меня был в седельной суме, – с сожалением вспомнил мужчина.

– Арра принеси сумки, – велела Тиргатао, и собака мгновенно бросив принохиваться к раздававшимся ароматам печёного мяса, понеслась к прибрежным кустам. Через минуту она уже пятилась задом из кустов, таща в пасти кожаную суму. Оставив её у ног хозяйки, отправилась за второй.

Синд, не ведавший об умении Тиргатао, поражённо застыл с открытым ртом. Меотиянка бросила ему принесённую сумку. Арра снова улеглась в тени и, позёвывая, с наслаждением чесала за ухом задней лапой.

Девушка со старухой дружно усмехнулись.

– Рот закрой, а то муха залетит, – не удержалась от замечания Ганира.

– На, поешь лучше, тебе много сил нужно, – поддержала её меотиянка, поставив рядом с мужчиной тарелку с самым большим комком, в котором находилась запечённая дрофа. Расколов глину, Тиргатао явила голодным взглядам истекающую соком птицу. Аромат запечённого мяса мгновенно разнёсся по поляне, заставив Арру просительно заскулить.

– У тебя есть кролик, – строго сказала девушка, заставив собаку переменить своё решение выпрашивать еду у людей и отправиться откапывать зайчатину.

Тиргатао взяла свой охотничий кинжал, отрезав несколько сочных ломтей, положила их в миску и подвинула ему с ломтём хлеба и зеленью.

– Ешь, потом послушаем твою историю.

Ганире и себе она положила по зайцу, предоставив провидице самой разбивать глину и нарезать мясо. Ели молча, каждый погружённый в свои мысли.

Только откусив первый кусок мяса, Тиргатао поняла, как она была голодна. Сначала долгая скачка по степи и охота, потом встреча с синдом и изматывающая перевозка его к реке, затем испытание знакомством с нелёгким характером провидицы, всё это отвлекало, не давая задуматься о своих потребностях. И сейчас вкус обычной крольчатины казался ей необыкновенным лакомством. Сочное, нежное, ароматное мясо просто таяло во рту, заставляя девушку прикрывать глаза от удовольствия.

Гекатей не мог оторвать взгляда от юной меотиянки с того самого момента, как увидел её выходящей на поляну. Все его мысли были сосредоточены на ней. Смутно вспоминался ему её голос в степи, велевший вставать и куда-то идти через силу и боль.

Гекатей был уверен, что именно она спасла его от неминуемой смерти. Его сил после нападения и бегства хватило только на то, чтобы вырвать стрелу кочевника, после чего он потерял сознание.

А потом была прекрасная девушка, всем своим видом обещавшая ему наслаждение в небесных чертогах. Во плоти она оказалась ещё прекрасней: её волосам позавидовала бы и бессмертная Афродита, а её глаза сверкали словно драгоценные камни.

Он уже знал, что сделает всё возможное, чтобы заполучить эту женщину.

Стемнело быстро, как всегда происходило в этих землях. Устроив синда поудобнее, Тиргатао снова занялась разведением костра. Ганира отправилась к реке мыть посуду. С ней увя-

залась Арра, подпрыгивая и норовя выхватить деревянные миски, чтобы облизать. Старуха шикала на собаку, но не злилась, девушка слышала это в её интонациях.

Меотиянка поймала себя на том, что ревнует своих животных к провидице. Никогда раньше не проявляли они ни к кому подобного доверия, а тут почти что берут пищу из чужих рук.

– Чего ты злишься? – спросил мужчина, который, оказывает, всё это время внимательно наблюдал за Тиргатао, и её резкие, раздражённые движения не укрылись от его взгляда.

– Я не злюсь, – буркнула девушка, так резко ударив камнем о камень, что один из кусочков кремня отскочил и ударил её по пальцу.

Дочь амазонки, один из лучших охотников племени, она сумела сдержаться от позорного вскрика, только крепче стиснула зубы, да украдкой смахнула выступившие слёзы. Воины не плачут. Она сумела поднять отлетевший камешек, снова уложила перед собой пучок сухой травы и начала ударами кресала о камень высекать яркие звёздочки искр. Пучок побурел, от травы пошёл легкий дымок, Тиргатао легко подула на зарождающийся огонёк и добавила ему пищи. Уже совсем скоро сушняк весело трещал, освещая поляну и людей скачущим красноватым светом.

Ганира суежилась у костра, заваривая травяной настой, а девушка села с другой стороны от незнакомца и смотрела на него поверх огня в ожидании обещанного рассказа. Наконец провидица раздала каждому по кривобокой глиняной кружке с отваром и опустила на примятую за день траву.

Над поляной повисла тишина. Было слышно, как всхрапывает в темноте Гунн и тоненько, но противно зудят вездесущие комары.

– Ну, – Ганира устала ждать, пока проклятый синд наконец решится начать свою историю, – и долго мы будем ждать?

– Я думаю, с чего начать, – он невозмутимо попивал горячий отвар.

– Начни со своего имени, – не выдержала девушка, уже несколько часов изнывавшая от любопытства.

– Меня зовут Гекатей. Я архонт Синдской Гавани, царь синдов.

Тиргатао и Ганира переглянулись.

Провидицу, уже догадавшуюся, что этот синд совсем не простой, интересовала реакция девушки. И увиденное её не разочаровало – для меотиянки это оказалось совершенной неожиданностью, судя по выражению крайнего изумления на лице девушки, не обратившей внимания ни на царскую гривну на шее мужчины, ни на дорогое одеяние. Хотя одежды синда были залиты кровью, сквозь которую непросто разглядеть качество ткани, особенно дочери вождя, с детства привычной к этому самому качеству.

«А что ты думала, милая, приведёшь в племя простого охотника, уговоришь отца, и будет у тебя муж, до скончания веков благодарный за то, что осчастливила своим вниманием?» – с некоторым злорадством подумала Ганира, любясь на вытянувшееся лицо дочери вождя савроматов. Этот-то, небось, побогаче твоего отца будет.

– Меня предали, – продолжал рассказывать Гекатей, – мой советник, и как я, глупец, считал до недавнего времени, лучший друг.

После этих слов он горько усмехнулся и снова погрузился свои нелёгкие думы.

– Как он это сделал? – оторвала его от раздумий провидица.

– Он позвал меня на прогулку за город, якобы прознал о готовящемся заговоре, – мужчина снова усмехнулся и ударил сжатым кулаком по земле. – И ведь не к чему придаться – он действительно знал о заговоре, потому что сам его и подготовил. Продумал до мельчайших деталей: мы отъехали слишком далеко от города, чтобы нас могли увидеть или услышать со стен. Я ему доверял, поэтому не взял с собой охраны. Когда появились кочевники, хотя, скорее, это были переодетые наёмники, ведь опознать моих убийц должны были по стрелам. Он

не предвидел двух вещей: мою лошадь, силы и выносливости которой хватило, чтобы даже раненой унести меня так далеко, и прекрасной девушки, которая в это время будет проезжать через степь и спасёт меня от верной смерти.

– Ты забыл меня, – подала недовольный голос Ганира.

– Конечно, уважаемая провидица, – он наклонил голову в её сторону, – твои лекарские способности достойны награды. Ты можешь просить всё, что хочешь.

– Я скажу тебе утром, – подумав, решила женщина. – А сейчас я иду спать. Тира, если хочешь получить одеяла, иди за мной.

Девушка чуть не взвилась от непочтительного тона старухи, которая посмела сократить её имя так, как было позволено только самым близким.

Но ночи у реки холодные, а надевать обратно свою охотничью одежду усталому телу не хотелось. Несколько мгновений посомневавшись и снова притушив вспыхнувшую гордость, меотиянка отправилась к избушке, стараясь держаться в тени, чтобы Гекатей не заметил её вспыхнувшие от гнева и унижения щёки. С этой проклятой старухой она ещё поживётся.

Едва Тиргатао подошла к лестнице, из дверного проёма вылетел свёрток, упав прямо перед ней.

Ууу, ведьма!

Девушка скорчила злобную рожицу закрывшейся двери и отправилась готовиться к ночлегу. Убедившись, что синд удобно устроился и вроде как уже заснул, она легла и сама по другую сторону костра. Как только Тиргатао уютно укуталась, её щеки коснулся холодный мокрый нос.

– Арра, – привычно уже, без раздражения попеняла девушка и приподняла одеяло. К животу прижался тёплый собачий бок. Девушка улыбнулась и погрузилась в сон, где были зелёные глаза с тёплыми янтарными крапинками.

Глава 5. Городище

Обратная дорога заняла у Тиргатао почти втрое больше времени, поскольку она уступила место в седле ещё не до конца оправившемуся Гекатею, а сама шла рядом с Гунном, держа того за узду.

Весь путь они проделали молча, потому что девушка не желала разговаривать, на все вопросы синда отделяваясь одним-двумя словами. Причина была проста: меотиянка обиделась. Едва проснувшись, она видела, что Гекатей и Ганира стоят возле избушки и о чём-то спорят, оживлённо жестикулируя. Но едва она подошла, как спорщики притихли, не желая посвящать её в свои тайны.

Девушка уже хотела отправиться домой и проигнорировать просьбу синда, взять его с собой в Городище, чтобы Багос отправил ему в поддержку отряд воинов для возвращения власти над городом.

Конечно, если это понадобится.

Но подумав немного, здраво рассудила, что в одиночку Гекатей не доберётся до своего дома, а если и доберётся, то его может ожидать ещё одна засада кочевников. И упрекнув себя в излишней доброте, а точнее в излишней симпатии к синду (правда, в этом не хотелось признаваться), Тиргатао согласилась взять его с собой.

Путники позавтракали остатками вчерашнего ужина, не торопясь, собрали немногочисленные пожитки и отправились в Городище.

– Прощай, – бросила Тиргатао старухе, смотревшей им вслед.

– Ещё встретимся, – практически на грани слышимости ответила Ганира.

Обратной дороге радовалась только Арра, вволю набегавшая по густой высокой траве, гоняя сусликов и зайцев, громко облаивая выпрыгивающих из-под лап кузнечиков. Гунн был недоволен тем, что приходилось идти шагом, к тому же нести на себе чужака. Тиргатао была раздражена, вряд ли и сама до конца понимая причину плохого настроения.

А о чём думал Гекатей, девушке было неизвестно, потому что после нескольких бесплодных попыток завязать беседу, он насупился, прикрыл глаза и ехал так почти весь оставшийся путь.

Когда наконец вдалеке стала видна саманная⁵ стена, окружавшая Городище, вся компания заметно приободрилась, предчувствуя, кто плотный обед и крепкий сон в тени родного двора, кто торбу душистого овса и возможность спокойно постоять в прохладном стойле, а кто и возможность наконец-то избавиться от этого проклятого синда, надоевшего и намозолившего глаза хуже горькой редьки.

Из Городища их тоже заметили.

Сердце Тиргатао радостно забилось, когда увидела она, что во главе отряда, выехавшего из ворот, был вождь савроматов. Он волновался и отправился её встречать, чтобы убедиться, что дочь цела и невредима. Девушка радостно бросилась в объятия отца, крепко прижавшего её к себе.

– Я тебя когда-нибудь выпорю, – шептал ей в волосы Багос привычные для обоих несбыточные угрозы.

– Не выпорешь, – так же тихо отвечала ему дочь, уткнувшись носом в широкую грудь.

Воины терпеливо ждали, обступив их кругом. Всем было известно о любви вождя к своей единственной дочери, так же сильно любил он и её мать, пока не потерял в ночном набеге кочевников.

⁵ Саман – кирпич-сырец из глинистого грунта с добавлением соломы или других волокнистых растительных материалов. Используется для возведения стен и заборов в сухом климате.

– Кого ты привела с собой, дочь, – спросил Багос, наконец удостоверившись, что она жива и вернулась домой.

– Отец, это Гекатей, царь синдов, ему нужна наша помощь.

Мужчины молча посмотрели друг на друга, оценивая чужака, решая: кто перед ним, будущий соратник или враг.

– Ну раз ты пришёл, Гекатей, царь синдов, в земли савроматов, здесь тебе окажут гостеприимство, негоже меотам волками степными смотреть друг на друга, мы всё же из одного праплемени.

– Ты мудр, Багос, вождь савроматов, я с благодарностью принимаю твоё гостеприимство. – Он наклонил голову, выказывая своё уважение и как старшему, и как вождю принимающего его племени.

Тиргатао резво вскочила на коня позади отца и обняла его за талию, точнее за то место, где та когда-то находилась. С годами коренастый Багос начал понемногу раздаваться вширь.

Позже, когда гость немного отдохнул, смыл с себя дорожную пыль и пот, и сидел один, раздумывая о произошедших с ним неприятностях, Псатия пригласила его отобедать.

Стол был накрыт под яблонями. Хозяин и его дочь уже ждали гостя.

Красавица дочь.

Тиргатао успела принять ванну с душистыми травами, нанесла на свою кожу ароматное масло, подаренное ей в прошлом году эллинским купцом, и теперь была свежа и пахла весенним лугом. Это было настолько не в её привычках, что отец изо всех сил скрывал улыбку, иногда сгибая локоть левой руки и покашливая в рукав. Похоже, его маленькая девочка наконец-то наигралась в воительницу и вспомнила о том, что она женщина.

Что ж, посмотрим, что представляет собой этот Гекатей, и можно ли доверить ему свою дочь.

Псатия принесла горячий, только что испечённый хлеб, и Тиргатао, как хозяйка дома, обязанности которой она никогда прежде не стремилась выполнять, принялась его нарезать ровными аккуратными ломтями.

– Угощайся, дорогой гость, – предложил Багос, когда девушка вновь села на своё место.

И Гекатей, проголодавшийся с далёкого уже завтрака, с удовольствием принялся за еду.

Псатия сегодня расстаралась для гостя и превзошла саму себя. За чечевичной похлёбкой последовала тушёная рыба, вместе с кусками которой на широкое глиняное блюдо женщина положила нарезанные овощи, политые сверху чем-то вроде скисшего молока с пряными травами. А напоследок синд съел несколько сладких коврижек, запив их холодным медовым напитком. И понял, что если проглотит ещё хотя один маленький кусочек, то не выдержит и лопнет.

Всё это время хозяин дома не требовал от гостя застольной беседы, но следил за ним внимательным цепким взглядом. Наблюдал за каждым движением, за выражением лица, за каждым взглядом, украдкой брошенным Гекатеем на его дочь. Тиргатао молчала, не поднимала от тарелки глаз и ела всё, что подкладывала ей Псатия.

Обед завершился, когда все присутствующие насытились. Тиргатао помогала Псатии убирать посуду, а мужчины остались сидеть за столом.

Багос добавил им в кружки ещё медового напитка и посмотрел на гостя.

– Я слушаю тебя, Гекатей. Что привело тебя в земли савроматов?

Синд поведал ему свою печальную историю и попросил помощи оружием и двумя десятками воинов, обещав заплатить полновесным золотом и крупным понтийским жемчугом.

Было видно, что ему неуютно просить у варвара, но выбора у него не оставалось. Его советник Хилэш набрал слишком большой вес в политической жизни города, слишком много сторонников у него появилось в Синдской Гавани. Хилэш, его бывший лучший друг, который рос вместе с Гекатеем в его доме, сидел за одним столом, учился стрелять из лука...

Как же он мог предать?

– Я подумаю над твоей просьбой, синд. А пока отдохни, моя дочь сказала, что ты был опасно ранен и лишь чудом остался жив, – оторвал его Багос от грустных мыслей.

– Благодаря твоей дочери, – склонил голову Гекатей.

Мужчины завершили беседу и разошлись по своим опочивальням. Тиргатао, которая пряталась в тени и подслушивала их разговор, наконец-то смогла размять затёкшие от долгого сидения в засаде ноги.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что её точно никто не видит, она подхватила спрятанную под разросшимся лопухом холщовую суму, из которой выпирало что-то острое и позвякивающее при ходьбе, и, пригибаясь как можно ниже, выскользнула за ворота. За ней, также пригибаясь к земле, но по-собачьи оттопыривая зад с повиливающим хвостом, проползла Арра.

На улице девушка тут же разогнулась, расправила плечи и лёгкой походкой охотницы двинулась в сторону окраины. Там, по другую сторону стены, опоясывающей Городище, жил единственный друг Тиргатао в человеческом обличье.

Хотя обличье у него было не совсем человеческое.

Машло родился с багровым лишаем почти во всё лицо. Его отец, едва увидев младенца, вскричал, что его жена согрешила с духом огня, поэтому и родила ребёнка с огненной меткой на лице. Мать Машло пыталась убедить мужа, что он ошибается. Но мужчина, не слушая оправданий своей жены, снял брачный браслет, бросил его и вышел вон. Звонко ударившись о саманный пол, браслет подскочил и закатился под кровать, на которой лежала обессиленная роженица. К утру женщина умерла от потери крови и от отчаяния, вызванного уходом мужа. Так мальчик остался сиротой. Отец отказался принять его, как чужого.

Поэтому по старому обычаю ребёнка взяло на воспитание племя, и он жил поочерёдно в каждом доме. Ему дали имя Машло, что означало «пламя», которое его и зачало, наградив сына огненной меткой и даром.

С Тиргатао они были погодками, при этом оба, так непохожие на других детей их возраста, росли почти изгоями. Неудивительно, что эти два ребёнка, награждённые духами и жившие некоторое время под одной крышей, подружились.

Когда Машло было шесть лет, он, подначиваемый Тиргатао, пришёл к кузнецу и попросился к нему в ученики. Подруга наблюдала за разговором из-за угла кузницы и громким шёпотом подсказывала мальчику правильные слова. Кузнец усмехнулся и предложил Машло доказать, что он достоин стать его учеником. Тогда мальчишка поднял левой рукой вылетевший из печи красный уголёк, крепко сжал его в кулаке и держал так несколько ударов сердца, а потом бросил обратно отряхнул ладошки друг о друга и спросил: «Ну что, достоин я стать твоим учеником?». Кузнец, оторопело взиравший на только что произошедшее на его глазах чудо, не смог вымолвить ни слова, только кивнул. Машло, сообщив, что тогда придёт завтра, довольный вышел из куницы.

Тиргатао, также наблюдавшая всю эту сцену, не смогла сдержать испуганного вскрика и, как только Машло вышел на улицу, схватила его за левую руку. На ладони проступал розоватый ожог.

«Зачем ты это сделал?!» – закричала Тиргатао, испугавшаяся за единственного на тот момент друга.

«Чтобы он взялся меня учить», – по-взрослому серьёзно ответил Машло и аккуратно вытащил ладонь из рук девочки.

«Пошли обратно, Псатия смажет волшебной мазью», – она взяла его за здоровую ладонь и повела домой.

Если до этого случая кто-то ещё и сомневался в происхождении мальчика, то после красочного рассказа кузнеца, уверились окончательно. К тому же у Машло открылся истинный

дар в обращении с пламенем. Мечи и орала, выкованные его руками, никогда ещё не ломались, а верно служили своим хозяевам. Лошади подолгу носили изготовленные им подковы, а уж домашняя утварь и украшения из меди пользовались таким бешеным спросом, что даже эллинские купцы не брезговали заходить за ними в скромную кузню.

– Эй, Машло, – закричала Тиргатао вглубь пышущего жаром помещения, – выходи на свет!

Появившийся подмастерье кузнеца в кожаном фартуке, с покрытыми потом мускулистыми плечами, перевязанными кожаным шнурком тёмно-каштановыми волосами, едва ли напоминал маленького доходягу, впервые попавшего в их дом. Увидев девушку, он стиснул её в крепких объятьях.

– У-у, буйвол какой, пусти, – смеясь, забарахталась Тиргатао в его руках. – Я по делу.

– Да знаю я, какое твоё дело, – Машло опустил на лежавшее в тени кузницы бревно, – уж всё Городище знает, что ты чужака в племя притащила. Женихаться приехал, или как?

– Ты чего городишь, суслик глупый? – вскинулась девушка, слишком резко и поспешно на взгляд Машло.

– Ладно, ладно, – поднял он руки в примирительном жесте, когда она дважды ударила кулачком по мощному загорелому плечу. – Говори, чего хотела, работы много.

– А где Сибас?

– Заболел он, теперь вся кузня на мне, все заказы, – устало сказал Машло, почёсывая между ушей Арру, прижавшуюся к нему рыжим боком.

– А он доверяет тебе заказы? – не слишком искренне удивилась Тиргатао, прекрасно зная, что уже почитай два лета, как кузнец, страдавший от болей в спине, переложил все обязанности на Машло, только на словах считавшегося подмастерьем.

На деле же все жители Городища уже давно обращались с заказами к нему. И именно его за глаза называли кузнецом, а не Сибаса, иногда целыми днями не встававшего с ложа.

– Не дури, – отмахнулся Машло от прилипчивого слепня.

– Поправь мой акинак, – Тиргатао протянула другу сумку, сквозь рваную дыру в которой проглядывал острый кончик меча, – он мне скоро пригодится.

– Ты чего удумала, ненормальная?

– Ничего, – девушка опустила глаза, слишком хорошо её знал этот меченый кузнец. – Так сделаешь?

– Сделаю, – вздохнул Машло, он с самого детства не мог ни в чём ей отказать, даже когда задуманная ею проделка грозила ему наказанием. Ему, потому что Машло всегда брал вину на себя и выгораживал свою единственную на этом свете близкую душу. – Приходи завтра к закату.

– Спасибо, ты настоящий друг, – Тиргатао быстро поцеловала его в покрытую красной отметиной щёку (она давно уже перестала чураться его метки, много лет назад исследовав всю её поверхность и даже попытавшись срезать отцовским кинжалом, за что была порота единственный раз в жизни отцовским же ремнём) и зашагала по пыльной улице обратно к дому.

Где находился чужак, заполнивший собой её мысли.

Глава 6. Гекатей

Безбрежное зелёное степное море колыхалось под порывами горячего ветра, напоминая о другом море, бушующем и солёном, на берегу которого он вырос.

Гекатей ехал во главе отряда из двух десятков варварских воинов. Он и сам выглядел как варвар, одетый в кожаный наряд савроматского охотника. Он улыбнулся, вспомнив, с какой ненавистью взглянула прелестная дочь вождя на такую же, но меньшего размера одежду, прежде чем удалиться для переодевания несколько дней назад, там, на краю безбрежной степи, у плавных вод Антикинеса.

Синды, обитавшие на берегу Понта Эвксинского⁶, в непосредственной близости от эллинских колонистов и боспорских правителей⁷, смотрели на остальных меотов свысока и называли их варварами. Во многом потому, что те отказывались принимать греческую культуру и пантеон богов, оставаясь самобытными, верными своим старым традициям. Остальные меоты, кто-то с презрением, кто-то с завистью, называли синдов отщепенцами, забывшими Богиню-мать и продавшимися эллинским жрецам. Это был давний спор и давнее противостояние, болезненное, иногда кровопролитное, но не имевшее особого смысла.

Гекатей уже представлял смешки жителей Синдской Гавани, когда они заметят своего архонта⁸ во главе отряда варваров-савроматов, к тому же и одетого как они.

Но не насмешек боялся царь синдов, а своего бывшего друга и первого советника, у которого была почти седмица, чтобы добиться государственного переворота, или просто признать архонта мёртвым и назначить себя новым правителем. Эта неизвестность томила Гекатея. Его должны были искать до тех самых пор, пока не обнаружат его тело, либо другие доказательства смерти.

Что если и это предусмотрел хитромудрый Хилэш? Что если уже оплакали своего правителя чёрные плакальщицы? Если изготовили золотых дел кузнецы новую гривну для архонта? Что тогда делать вернувшемуся из царства мёртвых?

Нет.

Гекатей встряхнулся, отгоняя от себя тяжёлые мысли. Об этом он подумает завтра, когда подойдёт их варварский отряд к белоснежным стенам Синдской Гавани.

* * *

Едва забрезжил рассвет, Тиргатао открыла глаза. Прислушалась к царившей в доме тишине и поняла, что проснулась как раз вовремя, чтобы тихонько выскользнуть из дома, оставшись при этом незамеченной Псатией, встававшей всегда ни свет ни заря.

Девушка бесшумно оделась, подхватила чересседельные сумки, тайком собранные с вечера, кожаный пояс с акинаком, складной лук и колчан со стрелами.

Ох, и натерпелась вчера Тиргатао, когда забирала острозаточенный меч у кузнеца. Хмурый Машло встретил её у порога и сообщил, что сразу после её визита приходил вождь и заказал ему заточку двух десятков акинаков. Теперь Машло хочет знать, что задумала Тиргатао, и, если она не расскажет, нажалуется её отцу, чтобы тот запер её дома и не позволил наделать глупостей.

⁶ Понт Эвксинский – море гостеприимное, так древние греки называли Чёрное море.

⁷ Боспор киммерийский, так древние греки называли Керченский пролив, на берегу которого, между керченским и таманским полуостровами, образовалось Боспорское царство, достигавшее и берегов Меотиды (Азовское море). Столица – город Пантикапей (современная Керчь на крымском полуострове).

⁸ Архонт – правитель древнегреческого полиса (города-государства).

Пришлось девушке быстро сочинить историю о том, как рубила она мечом толстые ветви для волокуши, чтобы перетащить раненого к лекарке. Машло вроде бы поверил и отдал ей оружие. Но сердце девушки всё равно трепетало от страха. Кузнец относился к ней как старший брат, хоть и был на одно лето младше, но его здравомыслия хватило бы на двоих.

Кажется, поверил Машло, не растрепал отцу про акинак. Тот бы её быстро раскусил.

Тишина спящего дома успокоила напряжённые нервы, почивали ещё и отец, и Псатия. Их гость уехал совсем недавно. Тиргатао слышала приглушённые голоса собиравшегося в дорогу и провожающих его.

Арра сидела возле выхода, закрытого лишь плотной занавесью, зевала и потягивалась, предвкушая раннюю прогулку. Хорошо, что дерево в степи редкость, и в доме лишь одна деревянная дверь – входная. А плотная ткань занавесей не заскрипит, пробуждая спящих.

На цыпочках преодолев расстояние до выхода, Тиргатао остановилась и прислушалась. Даже Арра, проникнувшись важностью момента, старалась не цокать когтями по глиняному полу. Возле самой двери собака внезапно остановилась и подала девушке сигнал не двигаться.

Тиргатао замерла.

По словам-мыслям Арры на крыльце за дверью лежал Багос и крепко спал, подложив руку под голову.

«Всё-таки выдал Машло», – мелькнула первая мысль. «Ну смотри, кузнец, я тебе устрою!» – следом за ней пришла вторая.

Нужно было немедленно решать, что делать.

Псатия вот-вот проснётся, заметит Тиргатао, и тогда девушке уж точно не избежать отцовского гнева.

Надо всё-таки попробовать проскользнуть.

Тиргатао чуть-чуть приоткрыла дверь, стараясь действовать с максимальной осторожностью, чтобы не скрипнули так и не смазанные петли.

Меотиянка почти не дышала, напряжёнными пальцами толкая скрипучее дерево.

Когда дверь уперлась во что-то твёрдое и неподдающееся, она была открыта на ширину лишь двух ладоней.

«Попробуй ты», – велела девушка, и Арра ужом выскользнула наружу. Тиргатао выдохнула весь воздух из лёгких, подобрала спереди и сзади всё, что могло там выпирать, и осторожно, понемногу, то и дело замирая, выскользнула из дома.

Багос даже не пошевелился.

Он крепко спал.

Снаружи было ещё свежо. Улица встретила их птичьими трелями и несмолкаемым стрёкотом сверчков. Мягкой поступью охотницы Тиргатао пробралась в пристройку, где хранилась различная утварь, не помещавшаяся в доме, и на ощупь нашла своё седло и узду.

Потом не удержалась и, вытащив одну из попон, накрыла ею спящего отца. Мысленно позвав Арру, отлучившуюся по своим собачьим надобностям, Тиргатао вышла со двора.

Стражи ворот, узнав девушку, тут же открыли ей створки. Не в первый раз в предрасветных сумерках уходила дочь вождя на охоту, возвращаясь всегда с богатой добычей.

Не успела Тиргатао сделать и нескольких шагов в сторону выпаса, как увидела Гунна, медленно продвигавшегося ей навстречу.

* * *

Кочевники появились ниоткуда.

Вот кругом ещё спокойная степь, волнами колыхнется густое разнотравье. Как вдруг из него повыскакивали воины-иксоматы⁹ с безумным криком, призванным напугать врага. Брызнули стрелы, умело отражаемые щитами савроматов, которые почти мгновенно сгруппировались, защищая собой гостя, порученного их заботе. Из-за стены щитов полетели ответные стрелы.

Кочевники приближались, беспрестанно издавая свои жуткие вопли.

Гекатей достал из ножен акинак, готовясь к неминуемой схватке. Один удар сердца, другой. Схлестнулись. Савроматы сражались молча, берегли силы. Они старались держаться группой, прикрывая друг друга спины.

У иксоматов было явное преимущество в количестве и не было необходимости беречь себя. Они с радостью отдавались безумству боя.

Вот упал один сражённый воин-савромат, за ним другой и третий. Они дорого продавали свои жизни, но врагов всё равно оставалось слишком много. Кочевники больше не стреляли из луков, все они взялись за мечи.

Два отряда смешались между собой, танцуя в кровавых объятиях смерти.

Конь Гекатея споткнулся и начал заваливаться набок. Синд соскочил на землю, успев зацепить самым остриём акинака очередного врага. Внезапно правую руку обожгло болью. Перед ним был новый противник, тоже потерявший в схватке свою лошадь.

Иксомат угрожающе скалился редкими жёлтыми зубами. Он сделал шаг навстречу раненому. Раскрылся. Будучи уверенным в своём превосходстве кочевник ослабил внимание. Всё последующее заняло лишь два вдоха, а может, и меньше.

Гекатей, перебросив оружие в левую руку, перекатился по вытоптанной траве под мечом иксомата и наотмашь резанул того по груди. Откатившись от падающего тела, встретился с другим врагом. Но только занёс меч, как в шею нападавшего кочевника воткнулась стрела с белым оперением. За ней также из ниоткуда вылетела следующая, тоже найдя свою жертву среди иксоматов.

Стрелы косили ряды противника, и савроматы воспрянувшие духом, начали оттеснять их обратно в степь.

Но кочевникам не дали уйти.

Из степи раздался воинственный савроматский клич, и вслед за ним показался ещё один отряд, предводительствуемый разъярённым Багосом.

Не более трети иксоматов удалось избежать гнева меотского вождя, рубившего мечом налево и направо. Захваченные врасплох численным превосходством савроматов, только что казавшихся такой лёгкой добычей, оставшиеся в живых кочевники бросились наутёк. Вслед им полетели одна за другой несколько стрел, каждая из которых нашла свою жертву.

Отдышавшись после горячки боя, Багос осмотрелся по сторонам и, не увидев того, что искал, взревел:

– Выходи!

Стихли разговоры воинов, перестало бряцать оружие, даже испуганные кони притихли.

Из густой высокой травы слегка в стороне от побоища поднялась Тиргатао, вслед за нею встал Гунн. Арру попросту не было видно, но никто не сомневался в её присутствии. Эта троица всегда действовала неизменным составом, частенько доводя Багоса до белого каления.

Тиргатао подошла к отцу, сохраняя виноватое выражение лица. Она знала, что в её раскаяние Багос давно не верил, но его гнев, тем не менее, это в некоторой степени смирало.

Несмотря на то, что отец и дочь были окружены несколькими десятками воинов, на них никто не обращал внимания. Ну или делали вид, по мере возможности прислушиваясь к разговору. Дочь вождя была ещё той занозой в одном месте. Но никто из савроматов не стал бы спо-

⁹ Иксоматы – одно из меотских племён, долее савроматов сохранявших кочевой образ жизни.

ритель – девушка была хороша. Немного безумна, как и все амазонки, или их потомки женского рода, но хороша. Ей бы мужа, да детей пяток, чтобы глупости воинские из головы повыветрились, и будет баба как баба, красивая да ласковая. Так рассуждали многие, но подступиться к лакомому кусочку пока никто не решался. Всё-таки дочь вождя, да и рука у неё твёрдая, как каждый из них мог убедиться на общеплеменных стрельбах.

Отец и дочь смотрели друг на друга одинаковыми карими глазами, и никто из них не говорил ни слова. Да и зачем? Уж столько было переговорено, уж бывало, спорили они до хрипоты. Но неизменно каждый оставался при своём мнении. А положить дочь на колени, да всыпать ей хорошенько, у Багоса рука не поднималась. Лишь однажды наказал он Тиргатао, когда увидел, как сосредоточенно, высунув язык от усердия, режет она лицо Машло, который молча терпел, лишь слёзы смешивались с кровью.

Багос знал, почему Тиргатао поступила так, как поступила. Сейчас она не могла иначе. В невестину пору многие девушки теряют разум. Его дочь всего лишь стала женщиной. Она влюбилась.

Багос одной рукой обнял Тиргатао, прижав её к себе, и повернулся к воинам.

– Сколько пали?

– Шестеро.

– А иксоматы?

– Два десятка и ещё трое.

– Это добро. Словите разбежавшихся коней, на них – раненых. Да и мёртвых негоже бросать в степи.

Отдав распоряжения, вождь наконец обратил внимание на подошедшего Гекатея. Синду уже успели промыть рану и перевязать оторванным лоскутом.

– Ещё раз спасибо, вождь, – сказал он с поклоном. – Помощь прекрасной и смелой Тиргатао и твоё своевременное появление спасли мне жизнь. Дважды.

Синд склонил голову и так замер на несколько мгновений.

Тиргатао любовалась им, не в силах отвести глаз. Гекатей казался ей самым храбрым, самым красивым, учтивым, благородным мужчиной во всём мире, и ещё множество достойных слов сейчас просто не приходили ей на ум. Но в том, что этот синд самый-самый, девушка уже совершенно не сомневалась. Она была готова сражаться за него и вместе с ним. И если бы у неё закончились стрелы, не думая, вступила бы в рукопашную с любым количеством кочевников.

Гекатей поднял голову, их глаза встретились, и меотиянка увидела в них ответ своим чувствам. То же восхищение её красотой, её храбростью и меткостью. Тем, что не побоялась противостоять иксоматам, превосходившим её и в силе, и в количестве. Да она запросто могла погибнуть здесь, при этой мысли у синда защемило сердце. И он понял, что должен сейчас сделать.

Багос поочерёдно смотрел то на одного, то на другого, переводя взгляд со своей дочери на её, как он понимал, в скором времени жениха, и чувствовал грусть. Вот и наступил, ну или вот-вот наступит, момент, которого он ждал и которого боялся. Его дочь скоро уйдёт из дома, чтобы стать частью другой семьи и другого племени. Этот чужак уведёт его малышку с собой. И Багос останется совсем один. Ведь, несмотря на то, что с момента гибели его единственной жены прошло уже много лет, этот сильный мужчина так и не смог смириться со своей потерей. И присутствие рядом Тиргатао, так напоминавшей свою мать, и характером, и внешностью, скрашивало его жизнь.

И вот время пришло.

– Вождь, – хрипло сказал Гекатей, оторвав наконец свой взгляд от глаз девушки, – знаю, что сейчас, может, и не лучшее время. Я и так просил слишком много и теперь обязан тебе и твоему племени до конца жизни. Я знаю, что у меня сейчас нет при себе ни драгоценных камней, ни золотых украшений, или мягких восточных ковров. Но слово моё крепко, а наме-

рения неизменны. Я Гекатей, архонт Синдской Гавани, царь синдов, прошу руки твоей дочери Тиргатао, смелой воительницы, уже дважды спасавшей мою жизнь. Как только я верну свой трон, то приеду в меотское Городище с богатыми дарами за окончательным ответом. Чтобы назвать Тиргатао своей невестой, а затем и женой. Клянусь, что будет так. Ты будешь ждать меня, Тиргатао, – спросил он с надеждой.

– Да, – прошептала она, не веря своему счастью.

Гекатей, окрылённый её согласием, вскочил на поданного ему коня, и поредевший отряд продолжил свой путь к Синдской Гавани.

Оставшиеся меоты долго смотрели им вслед, а затем, оказав помощь раненым, и похоронив убитых, отправились в обратный путь. Каждый предавался своим невесёлым мыслям.

И лишь юная влюблённая Тиргатао душой и сердцем была далеко отсюда. Она летела вслед за любимым к широким берегам Понта Эвксинского, где ждало её счастье, которого ещё не ведала ни одна женщина в этом мире. Она это знала совершенно точно, как и то, что называть её скоро будут не иначе, как Тиргатао – царица синдов. И она сделает всё, чтобы быть достойной этого имени.

Глава 7. Синдская Гавань

Как только меоты скрылись из виду, Гекатей придержал коня и сбавил шаг. Сопровождавший его отряд следовал чуть поодаль, не нарушая уединения чужака. Синд и чувствовал себя чужаком среди этих шумных и крикливых варваров. И тем желаннее ему казалась спокойная, цивилизованная жизнь в Синдской Гавани. Впрочем, выделенный Багосом отряд проводит Гекатея только до ворот города, а затем меотские воины вернутся в свою степь. Незачем горожанам видеть своего архонта в сопровождении варваров. После разговоров не оберёшься.

На миг Гекатей замер, вспомнив о Тиргатао.

Хороша была меотиянка.

Но как же он так неосмотрительно пообещал взять в жёны дочь вождя? Это там, в степи, она казалась дикой богиней-воительницей, сошедшей с Олимпа, чтобы спасти его, израненного стрелами кочевников. А будет ли уместна Тиргатао в устроенном на эллинский манер обществе? Не опозорит ли его?

Гекатей вспомнил, как вгрызалась Тиргатао белыми зубами в мясо кролика, как вытерла губы о предплечье, засмеялась, отвечая словам провидицы, и усомнился.

Такой ли должна быть супруга архонта?

Задумался Гекатей, и вовсе не бывший друг и первый соратник, предавший его, был причиной тех тяжёлых дум.

Вдалеке показались белые стены и колонны храмов Синдской Гавани. И архонт воспрянул духом. Он станет разбираться с трудностями по мере их поступления. А о прекрасной меотиянке и о том, что с ней делать, подумает после, когда вновь займёт кресло правителя.

Гекатей остановил жеребца на границе вспаханных земель, именуемых эллинами хорой, и повернулся к сопровождающим его воинам.

– Оставайтесь здесь. Как увидите, что я прошёл в городские ворота, возвращайтесь домой.

И не дожидаясь ответа, сдвинул бока коня пятками грубых варварских сапог, направляя животное к Синдской Гавани. Воины молча смотрели вслед чужаку, если они и не были согласны с его приказом, об этом никто не узнал.

Гекатей ехал по широкой пыльной дороге, оставленной для прохода телег с урожаем меж двумя возделанными участками земли. По левую руку от синда колосилась пшеница, по правую – овёс. За полями там и сям были раскиданы редкие усадьбы, где жили земледельцы и их рабы. Каждый дом окружал фруктовый сад, поодаль располагались виноградники. Правда, привозимое из-за моря вино было намного ароматнее и слаще местного.

Там было больше солнца, потому что сам Гелиос рассекал небосклон на своей золотой колеснице. А до Синдики олимпийским богам мало дела. Здесь большую силу имели неприветливые исконные боги, которым поклонялись варвары. Эти боги не чтили хмельных напитков, жестоко карая за непослушание.

Эллинские переселенцы, корабли которых остановились в синдской бухте века назад, привезли с собой статуэтки и изображения некоторых богов, а также огонь родного очага. Ещё остродонные амфоры с оливковым маслом и вином.

Местное синдское население радушно приняло пришельцев из-за моря. Несколько месяцев они дружно трудились бок о бок, выстраивая дома и храмы нового города. Но первые же дионисийские безумия, устроенные эллинами, вызвали раскол в обществе.

Синды, как истинные варвары, не сумели понять и оценить необходимость поклонения хмельному богу и предложили грекам выбор: или забыть о дионисиях, или искать другие, более гостеприимные берега. Так и повелось в Синдской Гавани, что виноградную лозу земледельцы выращивали, изготавливали из ягод вино, а наливая в кувшин, разбавляли водой. Одна часть

вина и две части воды. Благо вода здесь чистая, родниковая, не чета той, что на киммерийском берегу.

Гекатей рассматривал наливающиеся спелостью яблоки и размышлял о том, что хора¹⁰ сегодня выглядит странной. То ли от того, что он несколько дней провёл в степи и уже отвык от цивилизации, то ли...

А где люди?

Вокруг, насколько хватало взгляда, не было ни души. Куда все подевались? Неужели архонт пропустил набег кочевников или боспорского войска? Но тогда почему поля целы? Где тела и дым пожарищ? А если не было набега, куда могли исчезнуть сотни людей, не оставив следа?

Решив расспросить стражу, Гекатей направился к городским воротам. Но воины повели себя крайне странно. Узнав правителя, они сначала отдали ему честь, а затем, переглянувшись расширившимися от ужаса глазами, вдруг бросились бежать.

Гекатей спешил к воротам и хлопнул коня по крупу. Тот быстрым галопом понёсся к ожидавшим за пределами хоры меотам.

Входить в город было почему-то боязно. Странное отсутствие людей, странное поведение стражников. Всё это было так не похоже на привычную ему Синдскую Гавань. Поэтому Гекатею пришлось сделать над собой волевое усилие, чтобы шагнуть под надвратной аркой.

В городе тоже было пусто.

Точнее улицы были безлюдны, но собаки, кошки и даже забытая хозяевами свинья продолжали заниматься своими делами. Гекатей решил двигаться напрямую к дворцу архонта, примыкавшему к агоре¹¹.

Обогнув несколько кварталов, он вышел на центральную улицу.

Синдская Гавань не застраивалась хаотично, как стихийно возникавшие в древности полисы, которые соединяли в себе несколько укреплённых посёлков. Этот город строился по тщательно продуманному плану, улицы пересекались между собой строго под прямыми углами. На высоком берегу Понта Эвксинского была устроена агора, и самым большим строением на ней возвышался храм Посейдону, глядевший вдаль морских вод. Другие храмы были чуть меньше, ибо и боги другие находились дальше и не могли одной высокой волной смыть полис с лица земли.

На агоре стояли красивые мраморные статуи и стелы, на которых высекались важнейшие события в жизни города.

Синдская Гавань была прекрасна, и каждый гражданин искренне гордился ею. Но сейчас Гекатею было не до любования городом, который казался вымершим. Наконец синд услышал монотонный гул, доносившийся со стороны агоры. Он тотчас же прибавил шаг, желая скорей приблизиться к разгадке.

Площадь была полна людей.

Все собравшиеся пели дружественную песнь, провожая какого-то знатного горожанина в загробный мир. От тихих вопросов Гекатея люди отмахивались, продолжая петь. Поэтому выяснить, кого хоронят, не удалось. Пробираясь к центру агоры, архонт видел, что многие плакали, значит, умерший был любим народом.

Костёр ещё не зажгли, худенький юноша замер поодаль, держа в руке факел. У гроба, прощаясь, стоял Совет в полном составе и жрецы всех почитаемых в Синдской Гавани культов.

Но если все они здесь, тогда кто умер?

¹⁰ Хора – территория, использовавшаяся жителями античного полиса для занятия сельским хозяйством. Являлась структурной частью большинства античных полисов.

¹¹ Агора – рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний.

Гекатей продвинулся ещё ближе к центру, пытаясь разглядеть лицо лежавшего в деревянном саркофаге человека. Это было весьма непросто. Лоб и волосы умершего закрывал широкий венок из золотой фольги, на веках лежали крупные золотые монеты – плата перевозчику Харону, без неё душа не попадёт в загробный мир. Одежды богатые, Гекатей и сам носил такие.

Размышляя о том, кто же лежит в гробу, архонт пропустил окончание пения и начало прощальной речи.

Очнулся он, услышав голос.

Голос того, кому так слепо верил, на кого полагался много лет, и благодаря кому едва не лишился жизни несколько дней назад.

– Наша потеря невосполнима, – вещал Хилэш, он всегда умел удерживать внимание толпы, искусно модулируя голосом. – Наш архонт Гекатей покинул нас так рано...

Что?!

Гекатей, усиленно работая локтями и уже не обращая внимания на возмущения и ругань, пробирался к своему врагу. Уже подбираясь к первым рядам, он увидел, что Хилэш дал знак юноше, державшему факел. Ещё один мощный рывок, и Гекатей буквально вывалился из толпы на нагретые солнцем камни агоры.

Увидев, что факельщик тянется к гробу, он закричал:

– Стой!

Приказ был адресован юноше, но от оглушающего крика замерли все, кто был на площади.

Гекатей встретился глазами с Хилэшем, несколько мгновений они, не отрываясь, смотрели друг на друга.

Над площадью повисла оглушающая тишина. Выпавший из рук дрожащего юноши факел, деревянным остовом гулко ударился о камни и покатился к погребальному сооружению. Сотни глаз, до этого сошедшиеся на воскресшем архонте, переместились на факел, прослеживая его путь. Сухое дерево почти сразу занялось. Вверх воскурился лёгкий дымок, предупреждая богов о скорой жертве.

Гекатей вскочил и, совершив ещё один рывок, достойный олимпийского атлета, бросился к погребальному костру. Сбить пламя было уже невозможно. Но желая во что бы то ни стало узнать, кто лежит вместо него в саркофаге, архонт скинул его с горящего постамента.

По толпе пронеслось дружное: «Ах!», когда из перевернувшегося в полёте гроба посыпались монеты и драгоценности, которые друзья умершего отправили с ним в последний путь. Сам саркофаг раскололся, ударившись о камни, и накрыл тело. Несколько мгновений ничего не происходило. А затем бесформенная куча щепок начала приподниматься, словно внутри надувался воздушный шар.

Приподнялась на несколько ладоней от земли и... лопнула.

Из-под вороха тряпок, когда-то бывших дорогой одеждой правителя выглянула острая крысиная мордочка и спряталась обратно. Гекатей поднял потухший факел и уже хотел поворошить месиво тканей, дерева и украшений, как вдруг из-под него брызнули крысы. Десятки, а может быть, и целая сотня крыс.

В толпе завизжали, передние ряды толкали задние, началась давка. То здесь то там раздавались крики боли очередного растоптанного бедолаги. Всё смешалось. И лишь погребальный костёр весело потрескивал посреди площади, превратившейся в аллегию исступленного безумия...

До самой ночи, что в это время года бывает особенно тёмной, лекари и их помощники оказывали помощь раненым.

К счастью, никто не погиб, но у горожан было множество переломов, ушибов, порезов глубоких и не очень, ссадин, а также много порванной и испорченной одежды и пострадавшего достоинства.

Счетоводы подсчитывали ущерб.

Тайная стража искала сгинувшего без следа Хилэша.

А Гекатей наконец искупался в чане с горячей водой и переоделся в свои привычные одежды из хороших тканей. Он возлёг на клине¹², оперся локтем о подушку и смотрел, как рабыни несут трёхногий столик, уставленный кушаньями. Издалека учуял аромат куропаток, жаренных в меду с острым перцем. И возликовал. Челядь радовалась возвращению господина, повара расстарались, готовя его любимые блюда, рабыни, не дожидаясь приказа, принесли ужин, налили вина и разбавили водой из амфоры, расписанной чёрными фигурами людей и животных.

Гекатей сделал несколько глотков прохладного вина, дышавшего солнечным теплом далёкой Эллады, и почувствовал, что наконец-то вернулся домой.

¹² Клине – застольное ложе на высоких ножках, с невысоким изголовьем, украшенным скульптурными изображениями. Клине покрывали тюфяками, коврами, покрывалами с пестрыми узорами и подушками. Во время еды люди возлежали на клине, поставленных вокруг низкого стола прямоугольной и круглой формы; столы были переносные. Когда столик был не нужен, его задвигали под клине.

Глава 8. Тиргатао

Дни тянулись невыносимо медленно.

Тиргатао, быстрая по натуре, никогда не отличавшаяся излишним терпением, страдала от вынужденного ожидания.

Вернувшись в Городище во главе отряда рядом с озабоченным своими мыслями отцом, девушка распрягла Гунна и отправила его на выпас. А сама примчалась домой и развила бурную деятельность.

Были открыты сундуки с нарядами. Тиргатао доставала платья, прикладывала к груди и любовалась своим отражением на дне начищенного песком медного таза.

Она даже и не думала, что у неё скопилось столько одежды. Наряды лёгкие, как облака, с длинным подолом, ниспадающими рукавами, цветными вышивками. Отец покупал их у приезжих купцов, надеясь, что когда-нибудь Тиргатао образумится и вспомнит о своей женской сути, которой потребно радоваться разноцветным тканям.

И вот такой день настал.

Меотиянка отбрасывала прочь наряд за нарядом, отмечая, что в любом из них будет выглядеть прелестно и любо мужскому сердцу. Но всё же не могла ни на чём становиться.

Вот вроде бы это платье, из светло-зелёного, словно народившаяся после долгих дождей трава, шёлка, с плотно украшенным вышивкой лифом... вроде и было оно неплохо, но...

Или вот это. Бледно-розовое, как разбавленное эллинское вино, вовсе без рукавов, кои заменяла столь же невесомая накидка...

Или же белое, как снег, который раз в несколько лет выпадал в степи, заставляя ребятишек, да подчас и взрослых, строить недолговечные укрепления и бросаться из-за возведенных стен комками снежного крошева, пока руки и носы не станут красными от холода...

Одно за другим отбрасывала прекрасные наряды Тиргатао, столкнувшись с извечной женской проблемой.

Надеть на встречу с будущим женихом было нечего...

Багос и Псатия наблюдали за нею из-за занавеси, довольные, обмениваясь снисходительными улыбками. Выросла их девочка. Выросла и стала женщиной.

Но сердце вождя не было спокойным. С куда большей радостью отдал бы он свою дочь за одного из воинов племени. Благо, лишь пусти он слух, что ищет Тире жениха, от них не стало бы отбоя.

Выбирай любого.

Но синд...

Синды забыли заветы предков, если и не полностью, то во многом. Переняли чуждую меотам эллинскую веру. Установили храмы эллинских богов, им же приносили жертвы.

Багосу случалось бывать в Синдской Гавани. Видел он и презрительные взгляды, бросаемые на него и его воинов, и указующие персты, и шепотки, называющие их варварами.

Сможет ли защитить Гекатей его дочь? Уберечь от насмешек своих подданных?

Ведь инаковость может стать как причиной для любви и восхищения, так и ненависти.

А Тира была слишком похожа на свою мать. Такая же прямая, порывистая, не признающая ограничений. И в своём племени, где её знали с рождения, девочка сблизилась только с молодым кузнецом Машло. Другие держались от неё наособицу.

Нет, сердце отцовское было беспокойно.

А дочь откинула занавеску и вышла в светлицу. Посмотрела на отца и Псатию, тяжело вздохнула, да и опустила на скамейку.

– Мне нечего надеть, – с грустью произнесла она.

Багос подавил смешок, ибо для его девочки всё было всерьёз. Она любила и хотела быть красивой для своего жениха.

– Через седмицу в Синдскую Гавань пойдёт караван, прикупим тебе наряд, – постарался он успокоить Тиру.

– Через седмицу? – она вскочила со скамьи и заходила по светлице. – Седмица – это очень долго. А в чём я выйду встречать жениха?

Багос вздохнул. Всё же слишком Тира похожа на свою мать. Той тоже было тяжело усидеть на месте, всё спешила. И прожила такую же быструю, скоротечную жизнь...

Пришлось обнимать дочь за плечи, усаживать на деревянную, покрытую для мягкости шкурой, лавку и разъяснять обязанности правителя, которому не то что седмицы, и двух может не хватить, чтобы разобраться с делами и приехать в Городище.

А ведь сватовство займёт не один день. Тиргатао – дочь вождя и не может просто уехать из племени, должны быть соблюдены обычаи. А значит, Гекатею необходимо предусмотреть десять десятков и ещё столько же мелочей, требующих его внимания.

К тому же нельзя забывать и о предателе, из-за которого синдский царь оказался раненый в степи...

Горестный вздох дочери перебил его речь, но Багос был рад, что Тира поняла.

– Но через две седмицы он приедет? – спросила она с надеждой.

И старый вождь не мог её разочаровать:

– Приедет.

* * *

Тиргатао сделалась тиха и послушна.

Она знала, что прощалось дочери вождя небольшого племени, не позволено жене синдского царя. И поэтому костяной лук и острозаточенный акинак пылились в углу. Ни разу за прошедшие три седмицы не были они взяты в руки. Ни разу она не взобралась в седло и не помчалась в степь, поохотиться на жирную дрофу, куропатку или почти незаметного в своей летней одежде зайца.

Арра и Гунн страдали вместе с нею.

Конь, проводивший свои дни с табуном на выпасе, только и мог, что смотреть издалека, да ржать звонко, зовя Тиргатао вырваться на волю, в степь, чтобы ветер трепал гриву, а солнце и долгая скачка лоснили бока.

Арра же чутко дремала в тени. А как только Багос и Псатия покидали дом, мчалась в светлицу, подходила к смотревшей в окно хозяйке и с тяжёлым вздохом опускала голову ей на колени.

– Ты тоже скучаешь, моя красавица? – спрашивала Тиргатао, рассеянно лаская рукой бархатистую холку. И тут же забывала о любимице, уносясь мыслями за белые стены Синдской Гавани. – Почему он не едет, Арра?

Нет, Тира понимала, что у правителя много важных дел, требующих его внимания. Что не может Гекатей бросить свой город и примчаться за ней в степь. Но всё же лишь воспоминания о его восхищённом взгляде, жадно вбирающим девичьи черты, не позволяли Тиргатао впасть в отчаяние и перестать верить, что её возлюбленный приедет.

Дни были наполнены непривычной пустотой. Коль уж Тира отказалась от привычных занятий, верная Псатия старалась заполнить её время исконными женскими делами. И только терпеливый нрав да любовь к воспитаннице, выпестованной ею с молодых лет, не позволяли Псатии употребить крепкое словцо и отправить неумеху прочь.

Женская работа Тиргатао не давалась.

Вот вроде и была у неё сила, чтобы разминать на плоском камне особые травы. И пальцы её были ловки и чувствительны, чтобы разбирать вымоченные волокна. Но то, что у Псатии сплеталось, словно самой собой, давая ровную, аккуратную нить, у Тиргатао, путалось, собиралось колтунами и рвалось при малейшей попытке исправить содеянное.

Она старалась, смотрела за кормилицей, её точными скупыми движениями и пыталась их повторить.

Тщетно.

Псатия, словно в насмешку, затянула заунывную песню о молодежи, прекрасной, как лик солнца, с кротким, ласковым нравом, умевшей ткать самые тонкие и прочные ткани, плести самые красивые узорные кружева, но не находилось для неё достойного жениха. Сватались к ней и гончар, и кузнец, и богатый купец, но ни один из них не был достоин её. Не дрогнуло сердце красавицы, осталось оно холодным, как покрывшийся льдом берег Понта Эвксинского...

Не желая слушать дальше, Тиргатао бросила распушённые стебли и выскочила из-под навеса.

Псатия хитро смотрела ей вслед. Вот и не пришлось гнать воспитанницу. Сама ушла.

Больше Тиргатао не бралась за женские дела. Чай, у царицы для этого будут служанки. Вряд ли Гекатей потребует, чтобы его жена сама сучила нити и ткала материю для будущих платьев.

Но, кроме женских дел, ни дома, ни в саду никаких занятий не было. Даже Багос целыми днями пропадал на улицах Городища или на выгонах, на дальних пастбищах... да где угодно находились важные дела, требующие его присутствия.

И только Тиргатао чувствовала себя неприкаянной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.